

ХУДОЖНИК-БОЕЦ

К 70-летию со дня рождения Бертольта Брехта

Имя Бертольта Брехта — имя яркое, воинствующее. И все-таки оно не существует для меня само по себе, отдельно. Вспоминая о Брехте, я невольно думаю о Маяковском, Эйзенштейне и о других художниках нашего века, кто безраздельно и безоговорочно посвятил свою жизнь делу революции, строительству будущего.

Да, каждый из них — огромный талант, вулканически мощная индивидуальность, без которой, как известно, искусство немислимо. Но явлениями общественной жизни, художниками века их сделала раз и навсегда избранная позиция. «Большое искусство служит большим целям. Если вы хотите установить, насколько крупно какое-либо художественное произведение, то спросите, каким большим целям оно служит. У эпох без больших целей нет и большого искусства». Так считал Брехт и следовал такому убеждению в своей практике, практике художника, который, как говорил он, выступая в Москве, «обязав своим просветлением трудам классиков социализма, вызванным к новой жизни Великим Октябрем, и сведениям о вашем смелом построении нового общества. Они привязали меня к этим идеалам и обогатили знанием».

Художник, связавший свою жизнь с передовыми идеями века, не боится быть в гуще схватки, где решаются судьбы человечества. Таков и Брехт. Идеи революции окрылили его талант, придали ему силу и размах. И свой разносторонний талант поэта, прозаика, публициста, драматурга и режиссера Брехт без остатка отдал сражению с фашизмом, борьбе за мир и демократию.

Как истинно революционный художник, Бертольт Брехт был новатором и в области театральной формы. Когда Театр имени Вл. Маяковского приступил к репетициям пьесы «Мамаша Кураж и ее дети», все мы несколько побаивались, что необычная форма драмы покажется нашему зрителю чрезмерно тяжелой. Но — как показали многие годы жизни спектакля — этого не случилось. Это потому ли, что пьеса Брехта, выражаясь его же словами, служит большим целям, а потому и волнует каждого, кто ненавидит войну.

Активно выступая против сытого буржуазного театра,

Брехт в своих драмах, постановках и статьях не только отстаивал искусство тенденциозное, политически направленное, но и бросал вызов всяким сценическим канонам и штампам.

Отсюда — свободное обращение с временем в брехтовских драмах, раскрепощенность от пут старой драмы, смешение разных жанров, в том числе и оперы, и цирка. Эти поиски Брехтом новых выразительных средств пригодились общей тенденции современного театрального искусства, они совпали с ритмами века, с изменениями характера человеческого мышления.

Как человек, не первый год работающий в театре, я не могу не заметить, что на многих поисках и работах Брехта лежит отпечаток двадцатых годов советского театра, и в первую очередь Эйзенштейна, Мейерхольда. Мне очень дороги годы юности советского театра, ибо это были годы творческого половодья, ярких художественных вспышек. Потому, наверное, мне так дорого обнаружить у Брехта черты нашего революционного театра.

Хорошо это или плохо — когда обнаруживаешь влияние?

Я бы ответил на такой вопрос примерно следующим образом. Искусству, как и каждому организму, необходим нормальный, здоровый обмен веществ, ибо он, этот обмен, и дает ему жизнь. Вот почему мне радостно, что Брехт не сходит с нашей сцены, да еще при этом находит интересных и разных толкователей. Ведь нам не к лицу копировать театр Брехта, как бы он хорош ни был. Обращаясь к творчеству прогрессивных художников мира, мы должны умножать их на собственный опыт, на собственные традиции и представления. Опыт советского театра настолько богат, что от такого скрещения, думаю, выиграют обе стороны. Обмен веществ!

А как можно лучше чтить память художника, если не считать его своим сегодняшним другом?

Думаю, что выдающийся немецкий художник-антифашист Бертольт Брехт именно так и живет на нашей советской земле.

Максим ШТРАУХ.

Народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.

11 ФЕВ 1966

МОСКВА